

Алексей Борычев

Алексей Борычев – автор девяти поэтических книг. Стихи публиковались в периодике России, Украины, Казахстана, Молдовы, Германии, США, Финляндии, Израиля, Австралии. Член Союза писателей России, лауреат премии В. К. Арсеньева (журнал «Литературный меридиан») за 2013 год в номинации «Поэзия».

ФИАЛКОВАЯ ВЫСОТА

АПРЕЛЬСКИЙ ТРУБАЧ

Распахнуты окна. Апрельский трубач,
Сыграй нам берёзовый вечер,
Пока не ворвался полночный палач,
Печалью мой мир изувечив.

Пока не забился в агонии звук,
Сражённый ночной тишиною.
Сыграй, мой свидетель скорбей и
разлук,
Ну что-нибудь звонко-лесное.

Сыграй, как смеётся, лепечет ручей,
Как солнечный день угасает,
Как время поёт у весны на плече
Оранжевыми голосами.

Сыграй рыжеватый апрельский снежок
И ржавое солнце заката,
Чтоб стало небесно, чтоб стало свежо,
Как было, как было когда-то. –

Когда лиловатые тени скрестив,
Две тёплые тихие тени,
Просторы играли такой же мотив,
Далёкий, забытый, весенний!

Я слышу – играешь!.. Играй, дорогой!
Спешу, потому что осталось
До ночи холодной, до ночи густой
Такая ничтожная малость!

ВРЕМЯ НЕБЕСНОЕ...

Время небесное – пыль на обочине.
Время земное – звезда в небесах.
Матрица прошлого тьмой обесточена,
Темью, растущей в полночных лесах.

Где ты, свирельная музыка севера!
Где ты, плакучая, ну, отзовись!..
Солнечной пылью печали рассеяны.
Влагой тоски омывается высь.

Но вырастает прозрачное, светлое
В сырости, в северной тёмной тиши,
И задевает хрустальными ветками
Лёгкую тень опустевшей души. –

Вмиг наполняются тонкими звонами
Кочки болотные, чахлый лесок...
Полночь напевная! Темень зелёная!
Слышите, льётся бессмертия сок.

Где-то в трясинах кипящими струями
Он протекает туда, где всегда
Будут сердца обжигать поцелуями
Вечного тихого счастья года.

Время небесное – пыль на обочине.
Время земное – звезда в небесах.
Матрица прошлого тьмой обесточена,
Темью, растущей в полночных лесах.

МЫСЛИТЕЛЬ

Когда-нибудь чёрная ткань бытия
Порвётся, и в этом просвете,
Сколь сильно изношена вера моя,
Увижу в мерцающем свете,
Сколь сильно душа истомилась по дням,
Где счастье живёт, а не вечный бедлам!

И свет, проникая в забытые дни,
Вернёт ощущение былого.
Событий былых возгорятся огни,
И скажется верное слово,
Которое – помню – забыл я сказать,
Когда покатила по небу слеза...

Из памяти явится старенький дом,
Забор и резная калитка,
Запущенный сад
с обмелевшим прудом...

И солнце, как чья-то улыбка,
Подарит ожившую юность на час.
А может, на два... я не знаю сейчас!..

Над кипой бумаги давно я сажу,
Сажу я и ночью, и денно.
И формулы, знаки на ней вывожу,
Как будто один во вселенной...
Раскрытие тайны времён и причин
Является мне под покровом личин!

ФИАЛКОВАЯ ВЫСОТА

Четыре огня и четыре сосуда.
Фиалковая высота,
Где звёздное небо и солнце – посуда
Для тайной вечери Христа...

Чего же ты просишь?
Чего же ты хочешь?..
У времени короток путь.
Танцуют канкан тёмнотелые ночи.
Так пой же! О прочем забудь.

Забудь полувросшую в землю сторожку
И магний тоскующих лиц,
И небо, где ворон кружит осторожно,
И злобу запретных границ.

И время взвосьётся,
и когтем царапнет
Костлявую грудь бытия...
Гляди, как с небес,
да по звёздному трапу,
Спускается осень твоя.

НАШИ ВЕЧНОСТИ

Чего молчишь... за тьмью снова тьма!
И зеркало, разбитое в прихожей.
Осколки на мечты мои похожи.
А за окном – зима... опять зима!

Чего молчишь!.. Скажи хотя бы то,
Как провела очередную вечность?
Как вечности похожи... это нечто!
А ты стоишь. Снежинки на пальто...

Сколь быстры эти вечности у нас!
И с каждым днём и годом –
всё быстрее...

Я помню снег на липовой аллее.
И солнце юное...
Ах, Боже, сколько раз

Мы вечности встречали, провожали,
Вдогонку бегали за ними, а теперь...
Одни круги обид, невзгод, потерь,
Да истин потускневшие скрижали.

Вот ты пришла. Откуда. И зачем.
Плевать на все вопросы и ответы!
Я закурю на кухне сигарету,
И погляжу, как в утреннем луче

Трепещет мир, где ты сияешь! Ты!..
 Я полагаю, что бесчеловечно
 Опять нести всю муть про это «вечно»,
 Как будто снова все мы у черты,

Где было всё, и вдруг всего не стало
 И зеркало разбитое лежит.
 И солнцем утро зимнее грозит,
 Лучами в нас стреляя, как попало...

БОЛЬШЕ, ЧЕМ ЕСТЬ...

В каждой игрушке больше, чем есть!..
 В каждой игрушке...
 Грань бытия. Слезы и плач.
 Порох и пушки...

В каждой слезе плавится лёд
 смелой улыбки.
 В белую ткань прожитых дней
 вшиты ошибки.

Сколько осталось? Сколько сбылось?
 Важно ли это,
 Если всю жизнь смотрит в тебя
 ствол пистолета?..

Знаю, что есть больше, чем смерть:
 нечто такое –
 Что веселей праздного дня,
 тише покоя.

Но бытие слепо, как ночь
 в пене заката,
 И расщеплён в наших сердцах
 времени атом.

И потому скрыто от нас
 некое нечто,
 Что – вне пространств, что – вне времён,
 что – бесконечно!

В каждом, кто есть – больше, чем есть;
 больше, чем было.
 Чувство и мысль, память и страсть –
 наши могилы!

ДУБЫ

Земля – пространство. Время – небо.
 А между ними – ткань судьбы.
 Во мгле событий злых, нелепых
 Чернеют прошлого дубы.

Они растут, как дышит время. –
 Они – почти что не растут!
 Они – погибшие мгновенья
 Того, что было раньше тут.

И в темень детскую стремятся
 Их корни, в вязкий перегной...
 Звезда, чей номер триста двадцать,
 Обозначает путь земной.

Деревья к небу ветви тянут –
 К звезде, чей путь неизменим...
 Смеётся старость, будто спьяну,
 Над миром прошлым, молодым.

Земля – пространство. Время – небо.
 А между ними – ткань судьбы.
 Во мгле событий злых, нелепых
 Чернеют прошлого дубы.

